

А.М. Кучинов*

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ КВАЗИПОЛИТИКИ¹

Аннотация. При рассмотрении политики как институционализированной, основанной на правилах, а не на насилии, конкуренции ориентированных на общее благо проектов и решений среди неограниченного круга свободных граждан, сформулированы понятия о формах квазиполитики, которые могут быть «вместо» политики. Это – недополитика (мерцающая политика и протополитика) и ингибиторы политики (дополитика и антиполитика). По результатам рассмотрения динамики упоминания некоторых понятий сделан вывод, что в России последнего десятилетия вряд ли происходило сколько-нибудь отчетливое формирование политического пространства – из-за общественно-политического незнания россиян и их нежелания знать, устойчивой инфантилизации, приверженности сверхценным идеям и культу авторитарного сознания, систематического «ухода от реальности» в «игрушечную» социальность при росте неудовлетворенности этой социальностью, взамен которой абсолютное большинство ничего не может предложить ввиду низкой гражданской и политической компетентности.

Ключевые слова: квазиполитика; политика; политическое пространство; поле политики.

---

* **Кучинов Артемий Михайлович**, аспирант Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), e-mail: arkuchinov@yandex.ru

Kuchinov Artemiy, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: arkuchinov@yandex.ru

¹ Работа подготовлена в рамках проекта «Конституирование поля политики в России: институциональный анализ» (грант РФФИ № 17-03-00446).

A.M. Kuchinov

Political space formation under quasi-politics conditions

Abstract. Understanding politics as institutionalised, rule-based, not violence-based, competition of oriented to common good projects and decisions in an unlimited number of free citizens, concepts of quasi-politics forms are formulated, which can exist «instead of» politics. These are unfinished politics (flickering politics and proto-politics) and inhibitors of politics (pre-politics and anti-politics). Considering dynamics of some concepts mentioned we came to the conclusion, that there was hardly any distinct formation of political space in last decade's Russia – due to social and political ignorance of Russians and their unwillingness to know, persistent infantilization, adherence to super-valued ideas and cult of authoritarian consciousness, a systematic «departure from reality» into a «toy» sociality, with growing dissatisfaction with this sociality, but instead the absolute majority cannot offer anything because of low civil and political competence.

Keywords: quasi-politics; politics; political space; political field.

Постановка проблемы

Важным исследовательским вопросом в изучении проблемы формирования политического пространства является вопрос о существовании в России политики современного типа, а в случае ее отсутствия – необходимость описания «альтернативных» ей явлений. Под политикой современного типа мы понимаем *институционализированную, основанную на правилах, а не на насилии, конкуренцию проектов и решений, ориентированных на всеобщее благо, среди неограниченного круга свободных граждан* [см.: Граждане... 2011; Гражданское... 2013; Массовая политика... 2016].

Исследования показали, что в России существуют проблемы с политикой современного типа. В частности, был сформулирован концепт «кликотратии» [см.: Патрушев, 2011, с. 120–133; Гражданское... 2013, с. 8; и др.] как социального порядка, основанного на доминировании ситуативных неформализованных правил и ситуативных неформальных групп типа клик, с характерным низким уровнем общего доверия, дефицитом моральных правил и плохо работающими законами. Такой социальный порядок не отвечает критериям *общества* [см., напр.: Тённис, 2002], поскольку недостаточно интегрирован на социетальном уровне. *Политика* в указанном выше смысле существует только при наличии *общества*,

являясь одним из условий его конституирования как особого типа социальной организации.

Методологический аспект:

Связи институтов, дискурсов, структурно-агентного подхода

Институт как совокупность работающих правил может быть рассмотрен с позиций социальной семиотики [см. обзор: Кучинов, 2016 а] *как знак или система знаков*. Из знаков состоят *дискурсы* – некоторые порядки взаимодействия, которые формируются акторами и оказывают на них обратное влияние. Дискурсы, в свою очередь, тоже оказываются правилами, которыми движим тот или иной режим, включая «кликратию». Существуют специальные методы для их исследования [там же].

Проблемой при изучении институтов в России оказывается тот факт, что они неустойчивы и не всегда работают. Нестабильность и неэффективность институтов не отменяет смыслов и значений, зависящих от времени, места и акторов, следующих правилам. Поэтому можно и необходимо изучать смыслы, которые содержатся в ситуативных неформальных правилах.

Опираясь на некоторые признаки, с точки зрения семиотики – знаки, мы разработали типологию политических и квазиполитических явлений. Каждое из них предполагает свой дискурс. Напомним, что в рамках структурно-агентного подхода как институты, так и дискурсы, являются структурами, или, в терминологии Э. Гидденса, правилами и ресурсами, причем правила понимаются максимально широко, включая почти любое знание [см.: Гидденс, 2005]. Поэтому нижеописанные формы – политики и квазиполитики представляют собой системы институтов и, одновременно, структуры разного содержания, составленные из правил и ресурсов [см.: Гидденс, 2005; Archer, 1995; 2000; 2004; Mouzelis, 2008; Burns, Flam, 1987, p. 1–12].

Политика и квазиполитика

Русскоязычному омонимичному термину «политика» соответствуют несколько англоязычных терминов:

Politics – политика как общественное явление, процесс, определяемый в «макиавеллистских» или «немакиавеллистских» подходах.

Policy – политика как содержание, программа, направление (курс) действий.

Polity – политика как полития, форма, устройство или образ правления – в русском языке этот термин более всего отдифференцирован от других.

В 1927–1932 гг. К. Шмитт ввел в политическую науку категорию «**политическое**» (**The Political**), которая отлична от представленных выше понятий «политики» и означает автономную сферу человеческой деятельности, несводимую к другим сферам¹.

Х. Арендт рассматривает «политическое» как пространство свободы и публичной дискуссии, некоторые другие исследователи – как пространство власти, конфликта и антагонизма. Ш. Муфф, вслед за Шмиттом, понимает под «политическим» антагонизм, конститутивный для человеческих обществ, а под политикой (*politics*) – «совокупность практик и институтов, посредством которых создается порядок, организующий сосуществование людей в контексте конфликтности, создаваемом “политическим”» [Mouffe, 2005, p. 9]. Тем самым с онтологического (бытийного) уровня «политического», связанного с устройством общества, осуществляется переход на онтический (сущий) уровень многообразия практик «политики», которая «занимается усмирением враждебности и пытается ослабить потенциальный антагонизм, существующий в отношениях между людьми... Политика нацелена на создание единства в контексте конфликта и несходства» [Муфф, 2004, с. 194]. Антагонистическое преобразуется в агонистическое.

По мнению П. Розанваллона, «политическое» создает политическую жизнь «по ту сторону непосредственного поля борьбы за политическую власть, повседневной деятельности правительства и обычного функционирования институтов» [Rosenvallon, 2006, p. 36.]. Таким образом, *Politics* и *Policy* можно рассматривать как

---

¹ В последующем категорию «политическое» использовали такие известные теоретики, как Т. Адорно, Х. Арендт, М. Фуко, Ж. Деррида, М. Хайдеггер, Ж. Лакан, Ф.-Ф. Лиотар, Ж. Делёз, Э. Левинас, Ю. Кристева, П. Рикёр, Р. Дебре, Л. Штраусс, К. Лефорт, Ж. Рансьер, Ш. Муфф, Э. Лакло, С. Жижек.

проявления «политического», тогда как Polity есть форма, устройство, поле, пространство, в которых они могут существовать.

Американский исследователь М. Джей попытался упорядочить разнообразие представлений о «политическом» и выявил шесть версий: политическое как война (*антагонизм*), дипломатия (*агонизм*), приватное соглашение, пакты или контракты, заключенные на основе доверия и взаимной выгоды (*контракционизм*), патриархальная семья или корабль, нуждающийся в капитане (*платонизм*), религиозное приношение себя в жертву во имя всеобщего блага (*республиканизм*), политическое как *эстетическое* [Джей, 2015].

Политика (politics) может быть определена на основе двух групп подходов. «Макиавеллистские» подходы вслед за Н. Макиавелли [Макиавелли, 2016] связывают политику с насилием и манипуляцией ради сохранения власти и подразумевают, что мораль в политике вторична или с ней вовсе несовместима. «Немакиавеллистские» подходы вслед за взглядами мыслителей Античности (Платон [Платон, 1998], Аристотель [Аристотель, 1983]) предлагают понимание политики как явления, неразрывно связанного с моралью и основанного на стремлении к общему благу. В пользу использования «немакиавеллистского» подхода есть ряд аргументов: «немакиавеллистский» подход намного старше других, предлагая тем самым наиболее «исконно-аутентичное» определение, таким образом, «макиавеллистские» подходы «переворачивают» суть политики до противоположного значения. Политика в «макиавеллистских» подходах, по нашему мнению, понимается излишне широко, так как под стремление к получению власти любой ценой легко можно подвести организованную преступность вроде терроризма, насильственного захвата власти, вооруженного мятежа и т.п.

Отметим, что в XX–XXI вв. наблюдается восстановление интересов к «немакиавеллистскому» подходу, самые яркие случаи – политическая философия Х. Арндт [Арндт, 2000] и Ш. Муфф.

Политики, отвечающей данному в начале статьи определению, в России нет. Иронично говоря, даже если определять политику в «макиавеллистском» подходе, ее тоже, скорее всего, нет: нет борьбы за власть, она уже завоевана. Тем не менее существуют «политикоподобные» явления недо-, до- и антиполитика, которые

мы охватываем собирательным термином **квазиполитика** [см.: Новые слова... 2014], они будут представлены ниже.

Схематично обозначить классификацию форм взаимодействия можно так:

Рис.

Классификация форм регулирования и взаимодействия общественных отношений

Формы квазиполитики различаются по своей сути: в случаях недополитики можно говорить о формировании политики, а при наличии ингибиторов политики (термин И.Л. Недяк) речь не идет даже о постановке общественной проблемы. В случае антиполитики имеют место стремления даже уничтожить ее основополагающие принципы. Если у политики обнаруживаются все четыре признака – институционализированность, конкуренция проектов и решений среди неограниченного круга свободных граждан, ориентация на общее благо, характер принуждения, – то у явлений ква-

зиполитики присутствуют лишь некоторые из них, в разных сочетаниях (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Классификация явлений политики и квазиполитики
на основе основных признаков**

Явление	Знаки-признаки			
	Институционализированность	Конкуренция проектов и решений среди неограниченного круга свободных граждан	Ориентация на общее благо	Характер насилия
<i>Политика, развивающаяся в политическом пространстве (поле политики)</i>				
Политика	Есть	Есть	Есть	Исключительно легитимное
<i>Недополитика</i>				
Мерцающая политика ¹	Неустойчивая	Есть	Есть с оговорками: «общее» ограничено одним событием или местом	Исключительно легитимное (в «мерцании»)
Протополитика	В процессе	Формируется	Есть	Исключительно легитимное
<i>Дополитика²: власть, развивающаяся в «зоне власти».</i>				
<i>Возможна при сращении политической и экономической сфер жизни.</i>				
Неустойчивая дополитика	Нет	Есть: среди ограниченного круга лиц («элита», «эксперты» и т.п.)	Нет: ориентация на эгоистические или групповые интересы	Легитимное и нелегитимное имеют место часто, но нелегитимное не являются конституирующим и запугивающие редко
Устойчивая дополитика	Есть			
<i>Антиполитика, развивающаяся в «зоне насилия»</i>				
Избыточное насилие: мерцающее	Нет	Нет	Нет, но возможны «фасады» общего блага	Нелегитимное насилие бывает часто, запугивание является одной из конституирующих основ общества
Тотальное насилие: террор	Есть			

¹ См. пример «мерцающей политики»: [Мирясова].

² Термин В.Б. Пастухова, см.: [Пастухов].

Формы регулирования, обозначенные в таблице, являют собой континуум от совершенного к несовершенному явлению. Возможно, к этим явлениям можно было бы добавить какие-либо еще – альтернативные или промежуточные. Представленный набор явлений обусловлен изучаемой проблематикой – формирование политического пространства в России.

Под «совершенством» тех или иных форм мы имеем в виду комфортность для существования и развития максимально широкого круга лиц и возможность самореализации. Притом что какие-то из обозначенных явлений – более, какие-то – менее совершенные, возможности их реализации неодинаковы в разных пространственно-временных контекстах. Возможно, рассмотрение эволюции этих явлений (их эволюция, подчеркиваем, связана с *эволюцией возможностей*) помогло бы как-то обнаружить их возможные тенденции. В первобытном мире, когда у людей были серьезные проблемы для жизнеобеспечения, дефицит ресурсов, формой регулирования, скорее всего, была дополитика. Очевидно, что в тех условиях не могла существовать институционализованная конкуренция, как и свободные граждане. Однако мы настаиваем на том, что их регулятором в «естественном состоянии» не могла быть антиполитика. Основанная на насилии, она неестественна и возникала в крайних регрессивных случаях. П.А. Кропоткин, критикуя дарвинизм, специально подчеркнул, что внутривидовая эволюционная «борьба» не настолько естественна в эволюции живого и социального мира, таким образом, насилие тоже неестественно и является извращением природы социального [Кропоткин, 2011]. Заметим, что сам Ч. Дарвин в книге «Происхождение видов» указывал, что «борьба» («struggle») – это метафора [Darwin, 1859, p. 62], никакой, в буквальном смысле слова, «борьбы» нет, более точное обозначение этого явления – «отбор» («selection»).

Политика кажется более присущей европейским странам Античности и Модерна, однако вопрос о ее существовании в другие времена и в других странах стоит, видимо, оставить открытым. Не исключено, что политика является более «древней», ведь ее отдельные черты прослеживаются в племенных институтах разных народов (вроде веча и прочих подобных племенных собраний), возможно, в первобытном мире одновременно с дополитикой существовала и недополитика. Именно недополитика – из-за того, что не было феномена свободных граждан, но институционализи-

рованная конкуренция встречалась в разные исторические времена в разных странах.

По нашему мнению, хотя политика без политического пространства не существует, его появление предполагает некоторые предшествующие практики. Политическое пространство является результатом институционального закрепления явления политики, возникающего из практик недополитики. Каждое явление приводит к закреплению той или иной системы институтов: недополитика и политика приводят к складыванию *политического пространства (поля политики)*, при недополитике оно лишь формируется, дополитика соответствует «*зоне власти*» [см.: Экспертное обсуждение... 2017]; антиполитика – «*зоне насилия*». При этом эти институты, будучи закрепленными результатами явлений, сами позволяют осуществлять акторам соответствующие явления.

Политика и политическое пространство¹

В теоретическом плане для нас крайне интересны идеи А. Лефевра, изучавшего пространство как метафору в общественном знании. Его учение можно было бы применить к исследованию политического пространства. Он пишет (выделения авторские): «Понятие пространства связывает между собой ментальное и культурное, социальное и историческое. В нем воспроизводится сложный процесс: *открытие* (новых, неведомых пространств, континентов или космоса) – *производство* (пространственного устройства, характерного для каждого конкретного общества) – *создание* (произведений: пейзажа, города с его монументализмом и убранством). Это процесс эволюционный, генетический (т.е. имеющий генезис), но подчиненный единой логике – общей форме *синхронности*, ибо любой пространственный механизм основан на соположении в сознании и на физическом совмещении элементов, чью синхронность *производим мы...*» [Лефевр, 2015, с. 11].

Интересно также, что А. Лефевр предлагает обнаруживать такие аспекты пространства как **пространственная практика, репрезентации пространства и пространство репрезентации**. Пространственная практика включает «в себя производство и вос-

---

¹ О политическом пространстве см.: [Кучинов, 2016 b; 2016 c; 2017].

производство, отведенные места и пространственные множества, присущие каждой общественной формации, обеспечивающей последовательность и относительную связность. Применительно к социальному пространству и отношениям каждого члена данного общества со своим пространством эта связность предполагает одновременно определенную *компетенцию* и определенную *перформацию*» (курсив автора. – А. К.). Репрезентации пространства связаны «с производственными отношениями, “порядком”, который они устанавливают, и тем самым – со знаниями, знаками, кодами, “прямыми” отношениями». Пространства репрезентации предлагают «сложную (кодированную или нет) символику, связанную с потаенной, подпольной стороной общественной жизни, а также с искусством, которое в данном случае можно определить не как код» [Лефевр, 2015, с. 47].

Попытаемся применить эту теоретическую схему к анализу политического пространства. **Открытие политического пространства** – некоторые интеллектуальные поиски альтернативных принципов общественного развития, **производство** – процесс конкуренции проектов и решений, **создание** есть их воплощение в жизнь. **Практику политического пространства** можно изучить через производство политического пространства посредством **компетенций** и **перформаций**. **Репрезентация политического пространства** может быть рассмотрена как знаковая система, участвующая в его производстве. **Пространство репрезентации политического пространства** может рассматриваться как некоторая его рефлексия, «взгляд со стороны» на само себя посредством знаковой системы. По нашему мнению, это – весьма важная деталь при институционализации политического пространства, поскольку без самокритичности оно может быстро утратить суть.

Мы считаем, что в обществах, где есть политика, рефлексивность [см.: Archer, 2000; 2007; 2003; Caetano, 2015; Conversations... 2010] конкретных людей и институционализация рефлексии очень развиты, обществу важно «смотреть на себя со стороны». В этом случае подражание является преимущественно осознанным и осмысленным, а отчуждение человека и свойства авторитарной личности не сильно выражены.

Актеры – участники политического пространства – преимущественно ориентирующиеся на общее благо политики, участники политического процесса, общественники и граждане, гражданские

и некоммерческие объединения. Интеллектуалы чувствуют себя свободными и ответственными, имея возможности творить экономику, политику и право этого общества.

При **недополитике** политическое пространство лишь формируется, знаковые системы скорее всего имеют качественно иное содержание, чем при политике.

Дополитика и зона власти

Если этимологию понятий «поле» и «пространство» мы уже рассматривали ранее [Кучинов, 2016 b], то этимология [Этимологический словарь... 2010; Online etymology dictionary] слова «зона» связана, так или иначе, с ее «закрытостью», «ограниченностью», в отличие от «просторности», «неограниченности» поля и пространства.

Важнейшая черта дополитики – отсутствие политики, экономики и права как автономных сфер общественной жизни. Наблюдается синкретизм этих сфер, их «прото-» версий. Это – некая «меристемная клетка», из которой могут образоваться, но и в отличие от биологических меристем, могут и не образоваться, политические, экономические и правовые «ткани».

Представляется, что теоретические разработки А. Лефевра для описания пространства применимы и к зоне власти, и к зоне насилия. Эти «зоны» тоже можно «открывать», «производить», «создавать»; в процессе производства этих зон тоже есть практика зоны, репрезентации зоны и зона репрезентации. Однако при неизменной теоретической схеме содержание знаковой системы зоны власти будет совершенно иным. Эта мысль, на самом деле, не очень новая; в учении Х. Арендт уже были указания на то, что политика основана на принципе общего блага, экономика – на принципе эгоистической выгоды, а также, что политика возможна лишь при разрушении всех «дополитических» форм регулирования.

При дополитике наблюдается совершенно иное качество рефлексивности людей, а также слабая институционализация рефлексии. Институты, задачей которых является попытка «посмотреть со стороны» на социум, – малочисленны, в основном принадлежат власти либо ей противостоящим лицам без достаточных ресурсов. В дополитических социумах подражание далеко не всегда бывает осознанным и осмысленным, личность подавляется,

имеет место выраженное отчуждение человека. Наличествуют проблемы, описанные такими авторами, как Т. Адорно [Адорно, 2012] (авторитарная личность) и Э. Фромм [Фромм, 2015 а; 2015 b; 2015 с] (ценности потребления, «бегство от свободы» и др.). Они, по сути, писали про проблемы дополитических социумов.

Актеры – участники зоны власти – преимущественно «начальники», функционеры, не интересующиеся наблюдатели, «попкорные» и те, кого там не понимают, – «фрики» и «чудаки», стремящиеся как-то ее улучшить. Зона власти стремится не афишировать свою сущность, а выглядеть подобно политическому сообществу, поэтому ей требуются персонажи для соответствующего «фасада» разного рода «квази-»: квазиобщественники, квазиграждане и квазигражданские, квазинекommerческие объединения. Это также «допущенные» интеллектуалы, которым власть доверяет; они даже могут развивать право, политику и экономику, но при этом не чувствуют себя столь же свободными и ответственными, как в случае политики.

Антиполитика и зона насилия

К введению этих терминов нас подтолкнули результаты плотного опроса 2017 г. о проблемах политики и власти. В ходе интервью и заполнения анкеты часто приходилось слышать о желаниях респондентов решить многие проблемы, прибегая к насилию, «уголовному» (за пределами права) преследованию и даже к применению смертной казни. Как следствие, мы допустили существование еще одного явления и соответствующей ему системы институтов со своей знаковой системой.

«Анти-» в термине «антиполитика» означает ярко выраженную противоположность всем рассмотренным нами чертам политики. При антиполитике никакие принципы политики не работают, любые попытки их применения уничтожаются на корню. Скорее всего, те случаи, которые в истории мысли называли «тоталитаризмом», в нашей типологии окажутся случаями явления антиполитики. Наличие в каком-либо обществе антиполитических принципов является лучшей предпосылкой для терроризма.

П.А. Кропоткин справедливо, на наш взгляд, считал насилие не соответствующим «естественному состоянию» человека, а, на-

против, извращением природы социального [Мордовцев, Мамычев, Безматёрных, 2016; Conteh-Morgan, 2004; Tilly, 2003]. По его мнению, насилие не естественно, а наблюдается в случаях, когда людям не хватает знаний о том, как действовать ненасильственно [Кропоткин, 2011, с. 77]. Но отношение к знанию – непростая проблема: случаи, когда люди что-то не знают и пытаются узнать – совсем не то же самое, когда люди, не имея знаний, отказываются от познавательной деятельности и сопротивляются познанию нового. Проблема враждебного отношения к знанию существует в России, что в какой-то мере проливает свет на наличие в России насилия определенного качества.

Для антиполитических социальностей характерны проблемы с рефлексивностью и с институционализацией рефлексии. Здесь мало кому нужны институты, способные «посмотреть со стороны» на «общество», поэтому их, чаще всего, нет. Обычно этим интересуются немногие представители народа «снизу» («диссиденты», «враги народа» и т.п.), обрекая себя на самые серьезные проблемы.

Одной из конституирующих основ антиполитики является неосознанное неосмысленное подражание, дефицит критического мышления. Такие проблемы, как авторитарная личность, отчуждение личности, ценности потребления, «бегство от свободы», кажутся не самыми серьезными на фоне всеобъемлющего насилия и тотального запугивания населения.

Актеры – участники зоны насилия – преимущественно руководители определенного качества (типа «вождей»), обеспечивающие процесс, (квази)государственный аппарат, «государственная машина», в негативном смысле радостная «масса», их поддерживающая, а главное – «враги», не важно – внешние и (или) внутренние. Зона насилия никогда не стремится показывать свою сущность и имеет так называемые «фасадные институты» и «фасадных персонажей». Чаще всего это – «успешные из народа». Дополитические квазиобщественники и квазиграждане в антиполитике заменены «государственной машиной» и послушной массой. Квазигражданские, квазинекommerческие объединения дополитики заменяются при антиполитике (около)государственными организациями соответствующего профиля.

Возможные перспективы изучения случая России

С позиций дискурс-анализа очевидно, что при политике и разных формах квазиполитики существуют понятия, описывающие присущие им явления. Подход, при котором посредством рассмотрения используемых понятий ведут исследования в социологии и политической науке, уже существует [см.: Бикбов, 2016; Ильин, 1997; Инфраструктура свободы... 2013; Хархордин, 2011]. Однако, насколько нам известно, ни одна из существующих работ не отвечает в полной мере на вопросы, поставленные в наших исследованиях.

Мы обратили внимание на то, что как в обыденной речи, так и в пилотном опросе используются специфические выражения, иронично или юмористически отражающие суть ряда процессов, протекающих в России. Они составляют некоторый дискурс, важный для «деконструкции» происходящего. Это очень специфический эмпирический материал.

Мы обратились к сайту «Луркоморье» [см.: Луркоморье], представляющему корпус текстов с соответствующим дискурсом. Качество данного эмпирического материала определяется тем, что он формируется любыми желающими людьми в тех понятиях, которые они используют спонтанно, без смысловых и стилистических ограничений. Разные статьи (как правило, с юмористическим и ироничным содержанием о проблемах сегодняшней России) оказываются связанными ссылками, позволяя исследовать связь концептов в массовом сознании.

Мы начали работу со страниц с понятием «*распил*», которое использовали респонденты нашего пилотного опроса. Понятие обыденного языка «*распил*» может существовать только в дополитике, поскольку означает расходование средств, полученных от государства благодаря наличию власти, что само собой предполагает сращивание производственных и властных отношений. Авторы «Луркоморья» считают это явление «делом серьезным» не только для страны, но и для мира, что затушевывает их понимание российской специфики. Они пишут, что в «*распиле*» участвует, в какой-то мере, каждый – как среди «*быдла*», так и «*небыдла*».

Словом «*быдло*» авторы, по сути, иллюстрируют проблемы российских людей, лишенных гражданских принципов. «*Быдло*» неспособно посмотреть на себя со стороны, склонно к следованию

авторитарным лидерам (ссылка ведет на страницу про И.В. Сталина, дискурс о котором касается его человеконенавистности и «эффективности», это сочетание иронично), агрессии, потреблению, «рабскому менталитету». Последнее описывается как следствие отсутствия демократии (при этом над «суверенной демократией» авторы иронизируют) и является фразой, «объясняющей все и сразу».

Авторы указывают на склонности «быдла» к сверхценным идеям вроде «тонких вибраций» (ссылка на страницу «астрал»), «невидимой руки рынка», «светлого коммунистического будущего», «шлаков» (имеются виду методы нетрадиционной медицины вроде уринотерапии), «еврейского мирового заговора», «генно-модифицированной травы», «вредного излучения», «плана Путина», индивидуальных сверхценных идей (ссылка на страницу «синдром поиска глубинных смыслов»). Авторы указывают, что «быдло» живет в «этой стране», но России на сайте соответствуют три страницы «эта страна» (используется как понятие для показывания проблем России вроде описанных у Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-Щедрина), «Раи-ка» (как понятие для иронии) и «Россия» (более абстрагированное от первых двух смыслов). Интересно понятие «показуха», синоним потемкинских деревень, как специфически российское явление.

Из этого дискурса напрашиваются интереснейшие выводы.

Идеал «небыдла» – быть «против» и внешние атрибуты престижа – проблемный, в силу того что не касается внутренних качеств человека, не говоря уже об отсутствии не только политической, но любой заметной дифференциации. В жизненных ситуациях внутренние человеческие качества оказываются более значимыми, но наличная социальность их не приветствует и всячески подавляет. Стремление «быть против» нельзя абсолютизировать и идеализировать, поскольку оно наблюдается не только ныне, но и пронизывает всю российскую историю. Иногда ситуативно необходимо «быть за», но неформальные нормы этому препятствуют и просто запрещают, что ведет к сильнейшей дезинтеграции.

Если не весь сайт, то очень большая его доля – бесконечная ирония над человеческим незнанием, отказом от познавательного интереса в угоду каким-то сверхценным идеям и рутинам, подчас внешне престижным. У россиян, возможно, нет желания спорить друг с другом и что-то узнавать. Именно поэтому фразы «Рабский менталитет» и «Вы просто ненавидите все русское» авторы «Луркоморья» рекомендуют использовать в полемике для того,

чтобы закончить спор и как бы «заткнуть рот» оппоненту. Но здесь обозначена важнейшая проблема: такая «аргументация» стала систематической в России последних десятилетий.

При ознакомлении с «Луркоморьем» обнаруживается, что знание о политике и – шире – обществознание у россиян сильно ограничено, что, очевидно, не позволяет воплотить какую-либо благодетель в жизнь и, напротив, способствует воспроизводству имеющейся неблагоприятной социальности.

Под словом «*астрал*» обычно понимается некоторое сверхестественное состояние, в которое погружается человек в стремлении «ухода от реальности». Нетрудно заметить признания многих людей в таком желании, достаточно много профилей в социальных сетях со странными описаниями и аватарами, показывающими «уход от реальности» в какую-то «игрушечную», заведомо не существующую социальность. Представляется, что в этом выражается растущая неудовлетворенность нынешней социальностью, своего рода экзистенциальный кризис. В условиях незнания люди «уходят от реальности» не через поиск каких-то способов преодоления этого кризиса, а просто «закрывают глаза» на него. Столь же инфантильно и «игрушечно» люди начинают воспринимать актуальную социальность, теряя самокритичность и все больше уходя в социальную и политическую инфантильность.

Чтобы проследить динамику упоминаний некоторых терминов, мы обратились к сервису «Гугл тренды»¹ (таблица 2).

Обнаруженная динамика позволяет прийти к выводу, что в России последнего десятилетия вряд ли происходило сколько-нибудь отчетливое формирование политического пространства – из-за общественно-политического незнания россиян и их нежелания знать, устойчивой инфантилизации, приверженности сверхценным идеям и культуре авторитарного сознания, систематического «ухода от реальности» в «игрушечную» социальность при росте неудовлетворенности этой социальностью, взамен которой абсолютное большинство ничего не может предложить ввиду низкой гражданской и политической компетентности.

---

¹ Режим доступа: <https://trends.google.com/trends/explore> (Дата посещения: 09.02.2018.)

Таблица 2

Тенденции частоты упоминания некоторых понятий с 2004 г.

<i>Понятие обыденного языка</i>	<i>Упоминания с 2004 г.</i>
Астрал	«Скачки» в годы премьер одноименных фильмов: 2010 (пик – апрель 2011), 2013, 2015. В целом рост
Быдло	С 2006 по февраль 2010 г. – рост, далее сохранение на высоком уровне с некоторыми колебаниями
Менталитет	Рост с 2008 г.
Небыдло	Эпизодически в 2007 г., с 2008 г. устойчивый рост
Патриотизм	Ежегодное увеличение в периоды праздников – День Победы 9 мая и День народного единства 4 ноября, снижение в июле-августе. С 2009 г. амплитуда колебания сильно возрастает
Показуха	Снижается с 2011 г.
Рашка	Рост с ноября 2008 г. по октябрь 2009 г., резкий «скачок» вверх в ноябре 2014 г.
Сталин	Рост с 2008 г., «скачок» вверх в 2013 г. и ежегодные «скачки» в период Дня Победы 9 мая
Эффективность	С меньшей амплитудой «коррелирует» с термином «Сталин», без высоких «скачков» в период Дня Победы 9 мая

Нельзя, однако, исключать то, что президентская избирательная кампания 2018 г. и сами выборы президента России – на фоне противоречивых экономико-социальных процессов могут оказаться точками бифуркации в новейшей истории страны.

Список литературы

- Адорно Т.В. Исследование авторитарной личности. – М.: Астрель, 2012. – 474 с.
- Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
- Аристотель. Сочинения: В 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 832 с.
- Бикбов А.Т. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. – 2-е изд. – М.: ИД ВШЭ, 2016. – 430 с.
- Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2005. – 528 с.
- Граждане и политические практики в современной России: Воспроизводство и трансформация институционального порядка / Отв. ред. С.В. Патрушев. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 318 с.

- Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.
- Джей М.* Добродетели лицемерия: О лжи в политике. – М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2015. – 352 с.
- Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: РОССПЭН, 1997. – 432 с.
- Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – 590 с.
- Инфраструктура свободы. Общие вещи и Res Publica: Коллективная монография / Под ред. О. Хархордина, Р. Алапуру, О. Бычковой. – М.: Издательство Европейского университета, 2013. – 352 с.
- Кропоткин П.А.* Взаимопомощь как фактор эволюции. – М.: Редакция журнала «Самообразование», 2011. – 254 с.
- Кучинов А.М.* Подходы и методики для исследования текстов и дискурса в политологии: Опыт классификации // Полис: Политические исследования. – М., 2016 а. – № 5. – С. 80–96.
- Кучинов А.М.* Политика и ингибиторы политики: Интеграция неoinституционализма, семиотики и дискурс-анализа // Время больших перемен: Политика и политики: Материалы Всероссийской конференции РАПН, Москва, РУДН, 24–25 ноября 2017 г. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М.: РУДН, 2017. – С. 219–220.
- Кучинов А.М.* Феномен и возникновение политического пространства // Спектр социального – 2016: Сб. статей / Под ред. В.А. Зотовой. – М.: РГГУ, 2016 б. – С. 100–106.
- Кучинов А.М.* Явления и вещи политического пространства // Россия в условиях новой политической реальности: Стратегия и методы развития: Материалы Всероссийской научной конференции РАПН, Москва, РАНХиГС при Президенте РФ, 25–26 ноября 2016 г. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М.: Проспект, 2016 с. – С. 160–161.
- Лефевр А.* Производство пространства. – М.: Strelka press, 2015. – 432 с.
- Луркоморье [сайт]. – Режим доступа: <https://lurkmore.co/> (Дата посещения: 09.02.2018.)
- Макиавелли Н.* Государь: Избранные сочинения. – СПб.: Вита Нова, 2016. – 334 с.
- Массовая политика: Институциональные основания / Под ред. С.В. Патрушева. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 286 с.
- Мирасова О.А.* Сасовское экологическое движение как пример локальных институциональных изменений. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/conferencii/2016/1480424930_Miryasova_25_11_RAPN.pdf (Дата посещения: 09.02.2018.)
- Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю., Безматёрных Т.А.* Насилие и властные институты в российской политико-правовой реальности // Территория новых возможностей: Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – Владивосток: ВГУЭиС, 2016. – Т. 8, № 4. – С. 18–26.
- Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. – М., 2004. – № 2 (42). – С. 180–197.

- Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов: В 3 т. / Под ред. Т.Н. Буцевой, Е.А. Левашова. – СПб.: Дмитрий Була-нин, 2014.
- Пастухов В.* Мы живем в «дополитическом» государстве! / АПН: Агентство поли-тических новостей. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article17284.htm> (Дата посещения: 09.02.2018.)
- Патрушев С.В.* Кликократический порядок как институциональная ловушка рос-сийской модернизации // Полис: Политические исследования. – М.: ИС РАН, 2011. – № 6. – С. 120–133.
- Платон.* Государство. Законы. Политик. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.
- Тённис Ф.* Общность и общество: Основные понятия чистой социологии. – М.; СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2002. – 451 с.
- Хархордин О.* Основные понятия российской политики. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 328 с.
- Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2015 а. – 621 с.
- Фромм Э.* Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2015 б. – 287 с.
- Фромм Э.* Иметь или быть? – М.: АСТ, 2015. – 317 с.
- Шмитт К.* Понятие политического. – СПб.: Наука, 2016. – 568 с.
- Экспертное обсуждение концепции конституирования политического поля и поли-тического пространства в России / Под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. – М.: ФНИСЦ РАН, 2017. – 73 с. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/publ/Expert_discussion_18_10_2017.pdf (Дата посещения: 09.02.2018.)
- Этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / Сост. А.К. Шапош-ников. – М.: Флинта: Наука, 2010. – Т. 1. – 584 с.
- Archer M.S.* Being human: The problem of agency. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2000. – 323 p.
- Archer M.S.* Culture and agency: The place of culture in social theory: Revisited edition. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. – 351 p.
- Archer M.S.* Making our way through the world: Human reflexivity and social mobility. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2007. – VII+343 p.
- Archer M.S.* Realist social theory: The morphogenetic approach. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1995. – 354 p.
- Archer M.S.* Structure, agency and the internal conversation. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – 370 p.
- Burns T.R., Flam H.* The shaping of social organization: Social rule system theory with applications. – L.: SAGE, 1987. – 432 p.
- Caetano A.* Defining personal reflexivity: A critical reading of Archer's approach // European Journal of Social Theory. – L.: SAGE, 2015. – Vol. 18, Issue 1. – P. 60–75.
- Conteh-Morgan E.* Collective political violence: An introduction to the theories and cases of violent conflicts. – N.Y.; L.: Routledge, 2004. – 329 p.
- Conversations about reflexivity / Ed. by M.S. Archer. – L.; N.Y.: Routledge: Tay-lor&Francis, 2010. – 265 p.
- Darwin Ch.* The origin of species. – L.: John Murray, 1859. – 502 p.
- Mouffe Ch.* On the political. – Abingdon; N.Y.: Routledge, 2005. – 144 p.
- Mouffe Ch.* The democratic paradox. – L.; N.Y.: Verso, 2000. – 143 p.

-
- Mouzelis N.* Modern and postmodern social theorizing: Bridging the divide. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2008. – 311 p.
Online etymology dictionary [Website]. – Mode of access: <http://www.etymonline.com>
(Accessed: 11.11.2017.)
- Rosenvallon P.* Democracy past and future / Ed. S. Moyne. – N.Y.: Columbia univ. press, 2006. – 294 p.
- Tilly Ch.* The politics of collective violence. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2003. – 286 p.